

ЕЛЕНА ГАЛИМОВА

ЧТОБЫ НЕ ПРЕРЫВАЛСЯ И НЕ ИСКАЖАЛСЯ ЗАПОВЕДАННЫЙ УЗОР

О романе архангельского писателя М. Попова “Свиток”

Новую книгу Михаила Попова “Свиток” читаешь, словно проживаешь жизнь, и не одну — несколько долгих и насыщенных жизнью. Роман велик по объёму, а его содержание многократно этот объём превышает. Происходит это благодаря необычайной плотности повествования, насыщенного событиями, персонажами, яркими образами, а также своеобразному композиционному построению романа, действие которого развивается не только линейно, “по горизонтали”, но и вглубь, “по вертикали”, причём вертикаль эта устремлена и в прошлое, и в будущее, а взгляд автора стремится охватить всю историю человечества. И при этом “Свиток” — не холодное умозрительное построение, а живое творение, глубоко реалистическое, во многом документальное, убедительное в своей правдивости, а сопряжение жизненной достоверности с притчевостью, символичностью, поэтическим мифологизмом оказывается органичным и обогащает художественный мир произведения.

Главных героев в “Свитке” два: это моряк и сценарист Михаил Русанов, наш современник, и его великий земляк Михайла Ломоносов, о котором пишет Русанов. Главы, посвященные Ломоносову, можно собрать воедино и издать отдельной книгой — получится глубокое, яркое и цельное произведение, достойное его героя. Самостоятельный интерес представляют и главы, написанные от лица Михаила Русанова, — это тоже законченное, интересное и содержательное повествование. Но объединение двух жизнеописаний рамками одного романа даёт не сумму, какая возникает в результате сложения, а итог, получающийся при умножении или даже возведении в степень. Произведение приобретает такую масштабность и такую глубину проблематики, что позволяет говорить о нём как о выдающемся явлении современной русской прозы.

“Свиток” — книга о судьбе России, её прошлом, настоящем и будущем, о судьбах человечества и о непреходящей ценности каждой человеческой жизни. Для того чтобы такая проблематика получила достойное художественное воплощение, от писателя требуется многое: и незаёмное знание жизни, и умение высветить сокровенную сущность человеческих характеров, и образное, самобытное восприятие мира, и воображение, и способность мыслить глубоко и смело, и, конечно, дар слова. О том, что всем этим Михаил Попов наделён, свидетельствуют многие его произведения, но, на мой взгляд, именно в “Свитке” литературное дарование писателя раскрылось с особой полнотой. Помогли, видимо, и солидный жизненный опыт, и та сердечность, те любовь

ГАЛИМОВА Елена Шамильевна — профессор кафедры литературы Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, исследователь творчества Бориса Шергина и Юрия Казакова. Член Союза писателей России

и боль, которые придают проникновенный лиризм всему повествованию, объединяют эпизоды, сцены, главы книги высокой и чистой нотой.

Наверное, во многом благодаря этой сердечности образ Михайлы Ломоносова получился таким живым, близким, волнующим. Автору удаётся добиться того, что кажущаяся такой далёкой эпоха приближается к читателю, начинает восприниматься как в общем-то не такая уж и давняя страница нашей общей истории — и России в целом, и жизни предков, жизни рода каждого из нас. Михаил Попов не случайно прибегает к жанру сценария, воссоздавая отдельные, складывающиеся в общую картину события жизни Ломоносова. Сценарий предполагает не **рассказ**, а **показ**, причем действие, коль скоро оно должно происходить на экране, разворачивается как происходящее здесь и сейчас. Таких ярких, пластичных “живых картин”, посвященных Ломоносову, в “Свитке” около двадцати. Автор неизменно выбирает драматические эпизоды жизни нашего великого земляка: мы видим, как четырнадцатилетним отроком встречается он с лопарями на берегу озера Онего; как двадцатилетним юношей истово рубит во льду крещенскую прорубь, остановившись в Антониево-Сийском монастыре на пути в Москву; как с радостным волнением узнаёт о том, что его направляют на учебу в Германию. Мы присутствуем при драке “штудента Михеля” с Карлом Гишенбетом, оскорбившим честь его будущей жены; любуемся Ломоносовым, трогательно-ласковым и чуть неуклюжим, во время его прогулки с Лизхен; гневаемся и страдаем вместе с ним, когда его изгоняют из собрания Академии в Петербурге и помещают в каземат; разделяем негодование молодого ученого на Шумахера и Тауберта, на все препоны, которые стоят на пути развития науки в России; увлеченно следим за опытами Ломоносова по улавливанию электричества из атмосферы, за строительством физической лаборатории в Усть-Рудице; понимаем, как тяжело и унижительно для него участие в розыгрышах на балу у императрицы, как болит его сердце за вверенные его попечению академические Университет и Гимназию; видим его в кругу семьи, в общении с земляком-помором...

Конечно, главы о Ломоносове — это не сценарий как таковой. Используя возможности, которые даёт обращение к этому жанру, автор в то же время создаёт подлинно литературное произведение, и мы не только **видим** Ломоносова и его окружение в тщательно и достоверно воссозданной исторической обстановке, не только **слышим** речь героев, но и узнаём, о чём они **думали**, что **чувствовали**. Нередко в той или иной ситуации Михайла Васильевич вспоминает (а читатель узнаёт) о событиях, оставшихся “за кадром”, и эти ретроспекции помогают еще полнее воссоздать жизнь Ломоносова в её целостности. Одна из образных характеристик способа создания портрета-жизнеописания Ломоносова, характерного для романа Михаила Попова, предложена самим героем-повествователем: это мозаичный портрет, сложенный из кусочков смальты. Такое сравнение тем более уместно, что изготовление смальты и создание мозаичных картин — одно из многочисленных ломоносовских увлечений: *“На ум пришла мозаика. А что если попробовать составить портрет Ломоносова его же собственным художественным способом, складывая образ по кусочкам?”*.

Однако образ Ломоносова, каким он предстаёт в “Свитке”, складывается не только из этих ярких “кусочков” — посвященных ему глав. Скрепями двух композиционных планов романа становятся и многочисленные обращения к Ломоносову и Михаилу Русанову, и других героев произведения (физика Стефана Серафимовича, Полины, Иозефа Гишенбета): это и строки из ломоносовских поэтических произведений и писем, и упоминания о его открытиях и изобретениях, и раздумья о его судьбе. Михаил Русанов отстаивает своё представление о русском Титане в спорах с продюсером Зиновием Липкиным, читает исследования, посвященные Ломоносову, часто обращается к нему в своих дневниковых записях, размышляет о нелёгкой доле его жены, пытается представить её внешность, нарисовать портрет, даже пишет в защиту Елизаветы Андреевны “письмо” Пушкину, когда-то вскользь нелестно отозвавшегося о ней. В полуснах-полувидениях герой-повествователь словно настраивается на ломоносовскую “волну”, и трудно провести грань между двумя эпохами, судьбами, внутренними мирами...

Размышляя о событиях, происходящих в России начала 1990-х годов, Русанов обращается к образу асессора академической канцелярии Григория Теплова, формой существования которого была имитация — “имитация верности, имитация деятельности, имитация незаменимости”, и видит подобных ему типов, вознесенных мутной волной реформ на гребень власти: *“Вглядитесь в лица державного правления, в фигуры на ступенях пониже — всюду лоснится знакомая физиономия, ласково-подобострастная или лакейски-надменная, в зависимости от ситуации. Сейчас время Тепловых. С проникновенно-честным выражением глаз... они ведут свою иезуитскую работу, конечный результат которой — тяжёлый угар, если не гибель Отчизны”*.

Основное действие романа разворачивается в период с конца 1980-х по 2005 годы. На протяжении всего этого времени Михаил Русанов вновь и вновь возвращается к сценарию — урывками, в свободное время. Он отвергает несколько предложений о съёмке фильма, потому что не может согласиться с требованиями продюсеров и спонсоров сгладить острые углы, по-иному расставить акценты, а по сути — исказить образ и самого Ломоносова, и его эпохи, “переписать” историю России.

Работа над сценарием, само обращение к личности Ломоносова в начале 1990-х годов, когда *“бездарной театральной вакханалией казалась нынешняя постановка жизни, которая разворачивалась перед глазами и в которой приходилось участвовать”*, становятся для Русанова опорой, спасением: *“Судьба сценария стала более чем призрачной, однако я не оставлял его. Сам главный герой понуждал меня к работе, придавая сил и уверенности, точно я был его подмастерьем”*. Оказывается, у Михайлы Васильевича достаёт сил и на то, чтобы помочь своим далёким потомкам, укреплять их в стойкости за правду, в верности Отечеству.

Михаил Попов показывает и Ломоносова-поэта, и Ломоносова-учёного, теоретика и изобретателя, и Ломоносова-патриота, мыслителя, государственного мужа. Но важнее всего для автора не эти отдельные составляющие образа, не сумма величайших достижений и открытий гениального помора, а Ломоносов как личность — огромная, самобытная, ни в какие рамки не вмещающаяся. И потому Михаил Ломоносов, каким он предстал в “Свитке”, читателю прежде всего **интересен**. Интересен и близок. Мы видим человека, в котором в максимальной степени воплотились все лучшие качества русского национального характера, человека, который стал столпом, стержневой осью отечественной истории, ибо явление Ломоносова — это проявление русской гениальности. Он неповторим и уникален в своём величии и в то же время неотделим от общего национального организма. Сын помора-промышленника, Михайла Ломоносов прямодушен и открыт, неспособен к лести и интриганству, и потому так трудно ему было противостоять лжи, приспособленчеству и козням. Он радеет прежде всего о пользе Отечества и потому остаётся непонятен и чужд тем, кого заботит только собственное благосостояние. Автору не нужно было проводить никаких явных параллелей в тексте романа, чтобы стала очевидной близость тех трудностей, с которыми сталкивался Ломоносов, и проблем, стоящих перед русскими людьми, которые остаются верными Родине сегодня.

Конечно, само чередование глав, действие которых происходит в XVIII веке, с главами, посвященными нашим дням, предполагает существование связей, объединяющих их, — сквозных мотивов и образов, общей проблематики, близости персонажей и т. д. И действительно, таких связей в романе множество. Прежде всего — это заданная композицией книги перекличка жизненных судеб Михайлы Васильевича Ломоносова и пишущего о нём Михаила Романовича Русанова. Даже названия глав могут быть в равной мере отнесены и к тому, и к другому: “На росстанях”, “Странники и бродяги”, “От сумы да от тюрьмы”, “Родина моя”, “Скитания”, “Над обрывом”, “На круги своя”. В первой из этих глав рассказывается о детстве, проведенном в северной деревне, о раннем сиротстве обоих и об отъезде из родного дома. Две деревни — одна на Северной Двине, другая — на Онеге, несмотря на то, что детство одного Миши от детства другого отделяют два с лишним столетия, оказываются настолько похожи — обликом, укладом, самой сокровенной сутью жизни, что в эпизоде, где показан малыш, бредущий по меже от мамы к бабушке, оба героя сливаются в едином образе светлоголового ребёнка, сближаясь с сотнями тысяч таких же крестьянских детей, в разные эпохи вскормленных родной землёй. Так же воспринимается и разговор мальчика с бабушкой, которая, замешивая тесто для житника, рассказывает внуку легенду о птице, ставшей Землёй. Михаилу Русанову воспоминания о собственном детстве помогают представить, каким было детство Ломоносова. То есть и мотивируется появление картин жизни северного села сороковых военных годов XX века в контексте произведения прежде всего тем, что герой, работая над сценарием, испытывает “сопротивление материала” и решает начать с детства Ломоносова: *“Какое детство было у Михайлы, поморского сына? Обыкновенное. Такое же примерно, как и у меня. Жизнь северной деревни за двести лет не особенно изменилась, несмотря на катаклизмы и социальные бури. Вот это я и решил иметь в виду, когда ступил на тропинку детства. Где-то на ней остались следы и моего тёзки, человека-исполина”*.

Такие сближения уже в начале книги задают восприятие Ломоносова и героя-повествователя (представляющего собой и индивидуальный, самобытный характер, и в то же время собирательный образ нашего современника), как людей, имеющих общие корни, общую кровь, общую судьбу.

Кроме сходства перипетий судеб героев два композиционных плана книги скрепляют и сквозные мотивы. Один из наиболее очевидных и разработанных — мотив взаимоотношений России и Германии. Он разбивается одновременно в двух направлениях: и как противостояние, прямое (прусская кампания, Великая Отечественная война) или скрытое (немецкая “партия” в Российской академии), и как сближение (дружба юного Миши Русанова и пленного немца Роми, счастливый брак Михаила Ломоносова и Елизаветы-Христины Цильх, Юлии Русановой и Пауля Бергера; общие угрозы национальной самобытности двух стран в глобализованном мире начала третьего тысячелетия).

Связывает разные планы повествования и образ птицы Сирина. Рукописную книгу, подобную той, что украшала заставками и иллюстрациями искусная рука белицы Текусы в Выговской обители, находят в пустующей избе Миха и Ивашка и, как когда-то Ломоносов, любят с сияющими очами удивительной птицы и изумрудным деревом с райскими плодами. Изображение этой сказочной женщины-птицы видит Ивашка и на картинке, приклеенной к крышке бабушкиного сундучка. *“Это, дитяtko, птица Сирин, — объясняет внуку старая Пелагея, — сама ласкова птица в райском саде. Запоёт — вси ангелы слетаются. Скоро и я услышу её. Есть у меня надея”*. А на нетерпеливый вопрос Ивашки, когда же и он увидит эту птицу, бабушка спокойно и мудро отвечает: *“Когда жись проживёшь”*. Сладкогласное пение Сирина слышит, замерзая, Михаил Русанов, почувствовавший на пороге смерти *“долгожданную радость, размыкание всех сердечных узлов, всех болей и печалей, что сжимали сердце”*.

Этот образ переключается с ещё одним важнейшим мотивом романа, связанным с легендарной Гипербореей. О ней, как о земном рае, уничтоженном гигантским метеоритом, рассказывает юному Михаилу Русанову его учитель Измераев, отдавший мальчику на хранение копию древней рукописи, повествовавшей об этой стране, находившейся в некогда тёплой Арктике. Поиском чудесного острова как входа “в иной мир, в иное измерение” одержим Иозеф Гишенбет, убежденный в том, что там подростком побывал с отцом Михаила Ломоносов. Вновь и вновь возвращается мыслями к Арктике, к Северному Ледовитому океану и сам Ломоносов, арктические моря бороздят и суда, на которых ходит Михаил Русанов... Мифопоэтическое мышление — характерная черта писателя Михаила Попова. Но это именно художественное, образное мышление. Мечта о Гиперборее, окрашивая роман лиризмом, не сводится к вере в очередную утопию, а отражает извечно присущее человеку стремление к чистой, радостной, счастливой и праведной жизни. Веками, вдохновлённые этой мечтой, искали русские мужики Беловодье, грезили о граде Китеже. Возможность такой жизни ощущает Михаил Русанов в тот момент, когда его случайные вагонные попутчики, только что ссорившиеся, едва не подравшиеся, преобразуются, объединяются песней: *“До чего же славно нам пелось! У всех разные голоса и не все приспособлены для пения, но вот запели — и как-то душевно, слаженно вышло... Вот так бы жить, как умеем петь, — с любовью да глядя в глаза друг другу!”* То же чувство испытывает герой и в финале романа, просветлённый любовью к людям и миру. И понимаешь, что путь к Гиперборее — это путь любви, единственно достойный и верный путь, единственно верный и самый трудный.

Мечта о Гиперборее получает в “Свитке” и другое воплощение, также восходящее к Ломоносову: это забота о судьбе Арктики, необходимость её освоения и сбережения её природы, это вера в будущность Северного Морского пути. Арктика — уже не сказочная тёплая Гиперборея, а ледяная, холодная страна — становится в романе и символом хрупкости живой природы, и воплощением здорового, неподвластного “цивилизационникам” начала, и короной, венчающей Россию. В завершающей сценарные главы о Ломоносове сцене Михаила Васильевич вспоминает адмиралтейских капитанов, которых он напутствовал в арктические экспедиции, и рассказывает жене свой сон: *“И вот рублю тем топором по ледовой корке, а за мной полынья, проход тянется. И будто по глобусу, а будто и в яви, на море Ледовитом, океане Сибирском. А позади за мной корабли... Тюкаю топором, крою канал, они, корабли, позади... И так от Бела моря до Тиха океана...”* Переключка этой сцены с эпизодом, в котором юный Ломоносов прорубает во льду Святого озера полынью-иордань в форме креста, усиливает символику образа: Арктика предстаёт и как крест России, и как её путь — крестный путь.

Расширение художественного времени в главах, написанных от лица героя-повествователя, достигается благодаря многочисленным ретроспекциям, которые складываются в жизнеописание Михаила Русанова и в повествование о жизни России за последние шесть десятилетий. Рассказ о детстве героя, пришедшемся на военные и послевоенные годы, о гибели отца и матери, о сердечной заботе бабушки, об учёбе в “ремеслухе” и о первой любви, о друзьях-товарищах и недругах, о столкновении с же-

стокостью и произволом, милосердием и жалостью настолько содержательны, так точно воспроизводит жизнь северной провинции тех лет и так ярко передаёт чувства и мысли мальчика — отрока — юноши, что любой комментарий, любой анализ его только обеднит. Михаилу Попову удалось дать читателю возможность пережить и прочувствовать вместе с героем то главное, что и формирует человеческую личность.

На протяжении всего повествования герой вновь и вновь возвращается в родную деревню с поэтическим названием Белая Рада. Здесь могилы его родных, здесь отчий дом, заменить который не могут ни роскошная — по тому времени и на взгляд деревенского мальчика — городская квартира тётки, ни московское жильё, ни просторные апартаменты, приобретённые Полиной. Отовсюду Михаил Русанов возвращается сюда: мальчиком сбегает из опостылевшей семьи “благодетелей”-родственников, юношей приезжает на каникулы к бабушке, повзрослев, спасается здесь от лжи и смрада столичной жизни и семейных неурядиц. И с каждым приездом он видит, как постепенно пустеет Белая Рада, как зарастают травой забвения проулки между избами, сиротеют и ветшают дома. Приехав на родину в 1989 году, он оказывается единственным жителем умирающей деревни. Поднявшись на увал, Михаил видит: *“Прямо на другом увале темнела моя деревня, вправо через луг виднелись Пудожиха, Вересово, а дальше в синей дымке зыбилось Буйтурово. Радуга одним концом касалась моей избы, а другим упиралась в Вересово, где стоял когда-то дом Талинки... Избы на фоне неба и облаков выделялись чётко, точно графика, точно передний край иллюстрации о рыбе-ките, на котором стоит деревня. Скоро, очень скоро мой кит с мой деревней канет в океане безвестности, и не останется ни кита, ни деревни”*. Однако вопреки, казалось бы, здравому смыслу, героя не оставляет надежда: *“Ещё год назад я смотрел на то, что деревня моя отживает последние сроки, с содроганием. Я даже думать боялся, что участь её решена, что кончается её полутысячный век, остерегаясь самой мыслью приблизить гибель Белой Рады. А сейчас я окидывал мою бедную деревню каким-то просветлённым умилённо-умудрённым взором. Травы укроют её, как они укрывают могильные холмики. Она уснёт, канет в небытие. Но когда-нибудь сюда придут другие люди... они разбудят её, оживят дух деревни и, может быть, возродят её”*. И эта надежда крепнет, когда спустя годы приезжает сюда маленький внук героя — Иоганн, Ванечка. Поначалу, разглядывая узор на бабушкином полотенце, которое показывал дочери и внуку, Михаил думает о том, что связь поколений прервалась, что эту “драгоценную, исполненную тайны летопись” уже некому будет продолжить: *“Полотнище расстилось, ровно долгая человеческая стезя. Тут переплелось-соединилось всё: и земля, и небо; и нива небесная, и нива земная; и зёрна, и звёзды; и пашня, и космическая стерня; и земные люди, и крылатые кони; и мать земная, и лики с звёздными нимбами-ромбами. Тут обозначена была долгая человеческая дорога, начавшаяся с небесной горы и простирающаяся по земному долу... Это было зеркало. Но отражались ли в том зеркале мы, ныне живущие?.. А потом мысль моя переключилась на цвет. Почти посередке развёрнутого свитка узорочье делилось на две части. Вот алая, яркая — это нитки ещё дореволюционные, ранешние, говорила бабушка. А встык, продолжая тот же узор, — блёкляя, точно вытекшая из жил руда, размызанная косыми дождями пополам со слезами. Это нитки уже советские... И всё же цельность свитка цветом не нарушается. Узор — послание это древнее — продолжается, как продолжалась после революции жизнь разорванной страны... Прилепилось, срослось. Больно было, но срослось. А сейчас что? Что можно присоединить к этому узорочью?.. Деревня вымерла. Рожениц нет. Ни души окрест, ни птицы, ни коня... Компьютером любой узор можно клонировать и подверстать. Это в виртуальном мире. А в жизни-то, выяви?..”. Но в конце романа, пережив после разговора с внуком, звонок которого, по сути, “выдернул” его из лап смерти, особое сердечное прозрение, герой верит, что ему удастся собрать в родной деревне всех вместе, детей и внуков, *“открыть им своё сердце, свою душу и память — всё то, что я унаследовал от своих кровников, мамы и отца, деда и бабушки... что получил от всех добрых людей, встреченных на пути. Дабы на том божественном свитке, что зовётся жизнью, как на плате-ширинке, обнимающем образ в красном углу, не прерывался бы и не искажался заповеданный узор, дабы узор этот вопреки всему и несмотря ни на что длился и длился. И после меня, и после них, моих детей и внуков, и ещё после...”**

Как и жизнь Белой Рады, жизнь всей России становится в романе не только фоном — предметом изображения и темой произведения. “Свиток” — книга остросоциальная. Ещё в детские и отроческие годы Миша Русанов сталкивается с чудовищными проявлениями безнаказанности, произвола хамов, дорвавшихся до власти. Боль и гнев, которые переполняют его сердце, когда он догадывается, что в гибели его дяди Фёдора и в бесчестье Талинки виноват колхозный бригадир Трофим Малышев, едва

не приводят его к преступлению. Он видит, как служившие в НКВД полковник и майор — любимые гости его городской тётушки Капитолины — забивают до смерти заключенного; узнаёт об аресте директора школы; испытывает на себе пристальное внимание “органов”, вызванное таинственным исчезновением его наставника Стефана Серафимовича. Но при этом юный Михаил Русанов ощущал и на всю жизнь запомнил не изжитые, не истреблённые безбожной властью доброту, участие, сердечность большинства окружавших его людей, прежде всего — земляков-северян. Недаром записывает он в 2004 году в дневнике, приходя в отчаяние от деяний новых “хозяев жизни”, от мутаций, которым в наши дни подвергается, видимо, всё, в том числе сознание и душа: *“Господи! Клонировуй Землю и сошли их всех, мелких и крупных хищников, туда. Зачем им земля пращуров, коли они не помнят родства?! А Землю — наш. дом — верни в XIX век или ещё лучше в май 1945 года, когда наступил мир, когда люди были ещё простыми и наивными!”*.

Поначалу, на заре 1990-х годов, когда “страна спорила, ждала, искала, надеялась”, Михаилу Русанову верилось, *“что совершающиеся перемены наконец-то приведут к ладной, зажиточной и здравомысленной жизни”*. И неоправданным казался ему скепсис Сергуни — Сергея Лещадьева, упорно повторявшего, что *“не с того начали”*, что *“перемены надо вести с семьи и прежде всего обустроить не государство, а семью как ячейку и основу государства”*, что неразумно проводимые штормовые реформы приведут страну-корабль на дно. Но уже спустя несколько месяцев после августовских событий 1991-го герой признаётся: *“Надежды мои с тех пор заметно поугасли. Хотелось перемен, разумных, справедливых решений, толковых действий. А на деле ничего не происходило”*. Но даже не пустые прилавки магазинов, не введение отмененной в 1947 году карточной системы больше всего угнетало Русанова, *“а общественная атмосфера” — “состояние неопределённости и вязкости”*.

Вскоре, впрочем, эта неопределённость сменилась хищническим азартом меньшинства и растерянностью, смятением большинства. На сухогрузе Северного морского пароходства, куда осенью 1993 года Михаил устроился механиком, он сходил лишь в один рейс, после чего *“судно неожиданно угнали за границу, продав, по слухам, “на гвозди”, хотя ресурс свой оно не выработало”*. Комментируя это решение, стармех Данилыч, не скрывая безразличия, говорит о тех, кто ухватился за руль государства: *“Чё там пароход — они скоро всю страну в утиль сдадут, суки!”*. Флот сокращался стремительно, *“таял на глазах, словно пароходство угодило в Бермудский треугольник”*. В том же девяносто третьем году жертвой становящегося нормой беспредела становится давний — с детских лет — друг Русанова Иван, расстрелянный из автоматов самовольными порубщиками леса, которые приехали с Кавказа пожить в “дармовой” северной древесине. Потрашение от гибели друга, сходясь с отвращением к происходящему в стране (стремительному выводу войск из Германии, неподготовленность и непродуманность которого очевидна, предательству по отношению к павшим в боях с фашизмом русским солдатам) и с ощущением собственного бессилья, надолго приковывают героя к больничной койке. Именно тогда начинает он вести дневник, в котором появляются горькие строки: *“Пушкинская запись: “Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории её, ни славы её. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить души сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробницами праотцев”. Почти двести лет назад это сказано, а всё равно как сегодня: и хают, и глумятся, и поносят... Доколе, Господи?”*

С каждым годом эти дневниковые записи звучат всё трагичнее, ибо всё более страшные вещи творятся вокруг — и в России, и в мире. *“Я живу при седьмом правлении, — пишет Михаил Русанов в середине 1990-х. — Там, в прошлом, бывало всякое: нищета и голод, война и страх. Были взлёты и падения, победы и поражения. Народ много чего перенёс. Но никогда прежде мы, русские, не испытывали такого национального позора, какой терпим при нынешнем сатрапе. Всякая шваль и сволочь — доморощенная и забугорная — насмехается над нами, тычет в нас пальцем, твердя, что мы — свиньи, стадо баранов, что мы не умеем жить, и при этом нас же и грабит... Ну ладно этот спесивый, надутый как индюк временщик... Но мы-то, народ, потомки ратников Куликова поля, солдат Бородино, защитников Брестской крепости!.. Почему же молчим? Или время не пришло? Или это нам такой урок?.. Проверка на прочность национального станового хребта? Жёсткий экзамен, дабы мы вспомнили, что мы — русские, хоть нас и собираются лишить такой графы в паспорте?”*

А в 2004 году появляются в дневнике такие мучительные строки: *“Родина моя несчастная, до чего же ты доверчивая! Ровно такая девка невинная, которую заманивает в кусты выродок. Идётся и идётся...”*

Разговаривая с доктором Ажгибковым, Михаил с болью констатирует: *“То, что творится в стране, для меня — предательство... Предано всё — и прошлое, и настоящее. Преданы и живые, и мёртвые. Воры везде, в том числе и во власти... “Пятая колонна” во всех порах общества”*. Но, слушая запальчивые речи доктора, уверенного в том, что излечить общество сможет только операция — новая революция, Русанов не может согласиться с ним: *“Но это же кровь... Море крови... Россия не выдержит...”*. Его путь к утраченному раю иной — это путь сбережения родовой памяти и родового гнезда, истории и культуры Отечества, путь созидания и творчества — дома, семьи, книги, души. И потому, когда по волнам радиозэфира сквозь какофонию развязных голосов диджеев, дешёвых песенок и рекламных призывов пробивается звучание могучего мужского хора, исполняющего духовные песнопения, герой думает: *“Смысл жизни, образно говоря, состоит, может быть, в том, чтобы, вплетая свой голос в ладное многоголосье — шёпотом, а то и вовсе безмолвно, — ни единым фальшивым звуком и даже учащенным дыханием не нарушить Божественной гармонии”*.

Михаил Русанов, конечно, очень близок автору. Это герой во многом автопсихологический, а в чём-то — и автобиографический. Помимо всего прочего, оба они — и герой, и его создатель — наделены искренним интересом к другим людям, потому так много внимания уделяется в “Свитке” человеческим характерам и судьбам. И каким судьбам! Чего стоит, к примеру, рассказ о фронтовом пути в составе бригады морской пехоты старшего друга Михаила — “деда” Сергея Лещадьева. Или история жизни и гибели Ивана Михеева — Ивашки. Или судьба потерявшего память и голос лётчика-фронтовика, имя которого — Илья Михайлович Синицын, как и то, что он — Герой Советского Союза, — стало известно лишь после его трагической смерти. В романе Михаила Попова много персонажей, и все они выразительны, все запоминаются. Бабушка Анисья Михайловна Таволгина, деды по отцовской и материнской линии, их ровесники-односельчане, утонувшая во время лесосплава мать, дядя-фронтовики, друзья и недруги Михаила Русанова, его однокашники, наставники и учителя, коллеги и сослуживцы, жёны, дети, внуки, молодая поросль мореходов, вместе с которыми (и составляя которых) совершает арктические рейсы герой, — все они вместе создают собирательный образ эпохи, страны, народа. А если учитывать, что и в главах о Ломоносове, и в повествовании от лица героя-рассказчика появляются люди разных национальностей и разных исторических эпох, то можно увидеть в складывающемся обобщённом образе если не законченный портрет, то во всяком случае — эскиз портрета всего человечества. Это не карикатура, но и не идеализированное изображение. Не отражение в кривом зеркале, а взгляд сквозь ломоносовскую “зрительную трубу”...

Эта “оптика” романа позволяет читателю взглянуть и на себя. И задуматься над тем, сможет ли его жизнь, его судьба вплестись нитью в единый узор нескончаемого свитка, не исказив этого узора.

В № 8 журнала за текущий год на страницу 221 вкралась техническая ошибка: вместо фразы “Ротманова “приписала” Лермонтову пушкинские слова” следует читать “Ротманова “приписала” Пушкину лермонтовские слова”.